УДК 130.3:165

НАЗАРОВ Ю. Н.

Понятие «интеллигенция» в античности и средневековье: логико-семантический и историко-философский анализ

Статья содержит логико-семантический и историко-философский анализ понятия «интеллигенция», которое в различных контекстах использовалось античными философами и средневековыми западноевропейскими теологами. Основное значение слова интеллигенция в философских текстах этих эпох таково: умственная способность, позволяющая человеку познать Бога и самого себя.

Ключевые слова: понятие, понятливость, разум, разумность, интеллект, познавательная способность, познание.

Слово «интеллигенция» (лат. intelligentia – понимание, разумение) является общеевропейским научным термином, употребляющимся уже более двух тысячелетий. Латинское по происхождению, оно в различных контекстах использовалось античными мыслителями, средневековыми европейскими теологами и философами Нового времени.

Слово «intelligentia» возникло в рамках известных грамматических парадигм латинского языка: сцио – сциентис – сциенция (знаю – знающий – знание); сапио – сапиентис – сапиенция (мыслю – мыслящий – мышление); интеллего – интеллигентис – интеллигенция (понимаю, разумею, постигаю – понимающий, разумеющий, постигающий – понимание, разумение, постижение).

Словарное значение слова «intelligentia» достаточно широко:

1) понимание, рассудок, познавательная сила, способность восприятия, знание; 2) понятие, представление, идея; 3) восприятие, чувственное познание; 4) умение, искусство[1].

Логико-семантический анализ слов «интеллект» и «интеллигенция» показывает, что они и все производные от них термины непосредственно связаны с умственными, духовными, познавательными способностями человека. Можно различить два основных значения слова «интеллигенция»: во-первых, разумность (понятливость) как важнейшее свойство индивида; во-вторых, способность к саморефлексии, то есть саморазумению, самопониманию. В совокупности эти два значения охватывают все содержание познавательных способностей человека. Семантический анализ слова интеллигенция представляет собой первый шаг к уяснению социально-философского значения современного общенаучного термина «интеллигенция».

В философских диалогах Платона с помощью понятий «разумение», «мышление», «познание», «размышление», «рассуждение» раскрывается деятельность человеческого разума (Кратил, 411d; Теэтет, 189e; Федон, 65bc; Государство,VII, 532b). Разумение – это первое и «главенствующее из божественных благ»[2]. Разумение есть способность души посредством разума понимать истинный смысл окружающего. В человеке, согласно Платону, «все зависит от души, а в душе от разума, если только душа хочет быть благою»[3].

Аристотелевская трактовка человеческого разума как свойства души получила развитие в трудах римских мыслителей. Одним из первых в римской философии обращается к проблеме человеческой интеллигенции Марк Туллий Цицерон. В известном трактате «О природе богов» и цикле диалогов «Тускуланские беседы» он не раз останавливается на вопросе о разумности природы и человека. Цицерон различает интеллигенцию, которая есть в мире, и интеллигенцию, которая является свойством человеческой души, при этом он отмечает, что «те же, которые утверждали, что сам мир одушевлен и разумен, никак не могли представить себе, какую форму может принять природа разумного духа (animi natura intelligentis)»[4].

По мнению Цицерона, мудрость, проницательность, память и разумность суть те божественные способности, которыми наделена человеческая душа[5]. Вместе с тем он отмечает, что «сам бог не может быть понят нашим пониманием иначе, чем некий отрешенный и свободный ум, отстранившийся от всякой смертной плотности, все чувствующий, все движущий и сам находящийся в вечном самодвижении»[6]. Богу, считает Цицерон, интеллигенция как таковая не нужна, но для человека она представляет огромную ценность. «Какая ему (богу. – Ю.Н.) нужда в разуме, в понимании (intelligentia), которыми мы пользуемся для того, чтобы через явное постигать сокровенное?»[7]. Постижение сокровенного человек осуществляет в процессе размышления – одной из способностей души. При этом Цицерон полагает, что душа и разум связаны с истинной добродетелью и благом. Он полагает также, что есть лучшая часть в душе человека и только в ней может быть лучшее из благ: это благо – пытливый и трезвый ум. А добродетель – это постоянное и внутренне соразмерное расположение души. Из добродетели рождается всё истинно разумное, да и сама добродетель есть истинный разум, поэтому любое благо разумно[8]. Таким образом, разумность (способность понимания), согласно Цицерону, является важнейшим свойством человека как наделенного душой и добродетелью существа.

Идея божественной интеллигенции из работ античных авторов переходит в средневековую европейскую теологию. Так, Августин Блаженный (354–430) пишет об идеях, «которые сами не созданы... которые содержатся в божественном уме» (Ideae, que ispae formatae non sunt... quae in divina intelligentia continentur)[9]. Французский историк средневековой схоластики и религиозный философ Э. Жильсон отмечает, что самого Августина отличало «страстное стремление исследовать таинства Откровения с помощью естественного света разума. Результат таких усилий есть именно то, что Августин назвал intellectus, т. е. понимание, иначе говоря, некое рациональное проникновение (insight – способность проникать в суть) в содержание Откровения, при котором человеческий разум нащупывает свой путь к полному свету блаженного видения»[10].

Яркий представитель западной патристики Боэций (ок. 480–524), «последний римлянин и первый схоласт», уже не распространяет понятие интеллигенции на весь окружающий человека мир, как это делал Цицерон, но трактует «интеллигенцию» только лишь как свойство особых «живых» сил. По мнению Боэция, способностью понимания или разумения (intelligentia) как высшим свойством разумной силы наделены только бог, ангелы и человек[11]. Он описывает тройственную душевную силу, которая есть в живых телах: во-первых, это чувства (sensus), которыми наделена вся живая природа; во-вторых, воображение (imaginatio), включающее ощущения; в-третьих, сила ума и рассудка (mens et ratio). Последняя сила – собственно человеческая и присуща исключительно человеческому роду. Она не только позволяет воспринимать, но и разъяснять и определять все образы с помощью действий разума (intelligentia)[12].

В трактате «Утешение философией» Боэций рассматривает вопрос о характере божественной интеллигенции. Он показывает, насколько различны возможности человеческого рассудка и божественного разума. По мнению Боэция, божественная интеллигенция есть присущий только богу высший способ знания

(познания), который «по своей природе охватывает не только свойственные ему самому предметы, но также и предметы, свойственные другим родам познания»[13]. Эта трактовка божественной интеллигенции получила дальнейшую разработку в трудах средневековых схоластиков.

В работах видного теолога-схоласта Ансельма Кентерберийского (1033–1109) слово «интеллигенция» используется как для характеристики качеств человека, так и для описания свойств святой Троицы. Разумение, утверждает Ансельм, является отличительной чертой человека: «Ведь если сознание человеческое (mens humana) не могло бы иметь никакой памяти (memoriam) или разумения (intelligentiam) об этой (высшей мудрости) или о себе, оно никогда не могло бы отличить себя от неразумных тварей…»[14]. Святая Троица следующим образом наделена интеллигенцией: «Разумение, т. е. достоверное знание (intelligendo, i.e. scientia comprehendendo)»[15], есть отличительная черта бога-Сына: «Так, ясно, что Сын есть истинное Слово, т.е. совершенное разумение (intelligentia), или совершенное всей отеческой субстанцией знание (cognitio), и ученость (scientia), и мудрость, т.е. все то, что саму мудрость Отца разумеет, и познает (cogniscit), и знает, и (мудрость) постигает (sapit)»[16]. Разумением наделены также бог-Отец и бог-Дух: «Сын есть разумение или мудрость Отца, так Он есть (разумение и мудрость) памяти Отца… И Дух тоже не обязан быть Отцом и Сыном из-за того, что он наделен своими памятью и разумением, так как он не есть память порождающая или разумение рожденное (intelligentia genita)»[17]. Таким образом, Ансельм проводит следующую логическую линию: бог-Отец наделен разумением и мудростью памяти, бог-Сын есть разумение, порожденное Отцом, наконец, бог-Дух обладает разумеющим началом, выражающимся в речи. Итак, самая простая природа есть не что иное, как ее разумеющее начало, а человек, наделенный сознанием, обладает интеллигенцией, необходимой для понимания высшей мудрости и самого себя.

В средневековой схоластике термин «интеллигенция» используется также при решении вопроса о средствах познания. В терминологии английского схоласта Аделарда из Бата (XII в.) «ratio» понимается в смысле рассудка, а «intelligentia» – в смысле разума. Так, один из крупнейших теологов своего времени Жан Ле Шарлье де Жерсон (1363–1429) определяет разум (ratio) как познавательную силу души, которая не нуждается ни в каких орудиях для своего действия, а над ним помещает разумение (intelligentia), которое непосредственно схватывает сущность предметов[18]. Выдающийся мыслитель западноевропейского средневековья Фома Аквинский, princeps philosophorum («князь церкви»), утверждает, что все духовные твари, то есть живые, одухотворенные, умные существа, в том числе ангелы, наделены интеллектами, тогда как интеллигенция присуща только богу. Источник свободы воли индивида он усматривает в интеллектуально-познавательных способностях человека, в его разуме. Фома провозглашает примат интеллекта над волей, утверждая, что только благодаря разумным суждениям добра человек может поступать морально, ибо добро, познанное интеллектом, движет волю[19].

Итак, в истории западноевропейской средневековой мысли мы находим три значения латинского слова intelligentia. Первое значение: интеллигенция – это свойство всякого живого существа, коренным образом отличающее его от неживого вещества, а именно – способность «понимания», умение постигать скрытую сущность вещей Божьего Мира. Второе значение: интеллигенция – это совокупная способность человека, обеспечивающая ему познание Бога и самого себя. И, наконец, третье значение: человеческая интеллигенция – это важнейшее средство постижения божественной интеллигенции.

Средневековые западноевропейские мыслители, писавшие на латыни, используют слово «интеллигенция» для обозначения важнейшей познавательной способности человека, которая приближает его к богу, целенаправленно развивают её как индивидуально-профессиональное качество. В силу этого они представляют собой одну из выдающихся в умственной истории человечества социальную группу, которая в России второй половины XIX в. получила название «интеллигенции» (intelligentsia), а

в современном западном мире – имя «интеллектуалов» (intellectuals)[20].

[1] Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: Ок. 50000 слов. М., 1976. С. 540.

[2] Платон. Законы // Соч.: В 3 т. М., 1968–1972. Т. 3. Ч. 2. С. 93.

[3] Платон. Менон // Соч.: В 3 т. Т. 1. С. 396.

[4] Цицерон. О природе богов // Философские трактаты. М., 1985. С. 67.

[5] Цицерон. Тускуланские беседы // Избр. соч. М., 1975. С. 228–229.

[6] Там же. С. 229.

[7] Цицерон. О природе богов. С. 169.

[8] Цицерон. Тускуланские беседы. С. 300–301, 307, 342.

[9] См.: Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991. С. 97–98.

[10] См.: Курантов А.П., Стяжкин Н.И. Уильям Оккам. М., 1978. С. 171–172.

[11] Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 171, 284.

[12] Там же. С. 5–6.

[13] Там же. С. 285.

[14] Ансельм Кентерберийский. Соч. М., 1995. С. 84.

[15] Там же. С. 161.

[16] Там же. С. 97–98.

[17] Там же. С. 80.

[18] Жильсон Э. Разум и Откровение в Средние Века //Богословие в культуре средневековья. Киев, 1992. С. 171–172.

[19] См.: Боргош Ю. Фома Аквинский. М., 1976. С. 80.

[20] Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М., 2005. С. 291.